

«кодировку» абсурдной действительности, приветствуя двойное, тройное и т.д. (плюральное) видение всего стандартного и привычного. Постмодернизм ставит под сомнение любую аксиому, любые вечные истины и путем «отстранения» (прием описания любого явления как впервые увиденного) формирует взгляд, не отягощенный культурным контекстом.

Литература

1. Зарубежная литература конца XIX – начала XX века / В.М. Толмачев, Г.К. Косиков, А.Ю. Зиновьева [и др.]; под ред. В.М. Толмачева. – М.: «Академия», 2003. – 496 с.
2. Зюскинд, П. Парфюмер, или История одного убийцы / П. Зюскинд. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 312 с.
3. Лявонава, Е.А. Плыні і постаці: 3 гісторыі сусветнай літаратуры другой паловы XIX–XX стст.: дапам. для настаўнікаў / Е.А. Лявонава. – Мінск: Крыніца, 1998. – 162 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Кавецкий С.Т.

*к.ф.н., доцент кафедры
политологии и социологии
УО «БрГУ имени А.С. Пушкина»*

Важнейшей сферой культурологических идентификаций является религиозная сфера. После обретения суверенитета для Беларуси характерной стала тенденция уменьшения числа атеистов и одновременно увеличения числа верующих. «Если в ноябре 1989 года к числу атеистов относили себя 65 %, то в сентябре 1994 г. их было уже только 35,2 %... Среди респондентов значительно увеличилось число верующих – с 22 % в 1989г. до 43,4 % в 1994 г.». [1, с.319]. В XXI веке эти тенденции сохранились. «При этом к своей принадлежности к православию заявляют 70 % верующих, 20 % – люди исповедующие католичество, 5 % – протестантизм, до 1 % – греко-католичество, иудаизм, ислам.» [1, с.235].

Как отмечает политолог профессор Л.Е. Земляков «... в современном белорусском обществе религиозность утратила характер признака маргинальности... стала духовным качеством, присущим примерно в равной степени всем группам населения» [3, с.73]. В то же время необходимо учитывать тот факт, что среди православных не очень высокий процент паствы в полной мере соблюдает религиозные обряды и большинство православных имеют атеистическое прошлое и часто видят в нем духовный заместитель коммунистической идеологии. Идеи «православного атеизма» соответствуют базовым конструкциям обыденного и общественного сознания большинства граждан Беларуси [2, с.235].

Таким образом, в конце XX – в начале XXI веков в Республике Беларусь сложилась ситуация, потребовавшая оптимизировать общественно-практическую деятельность людей, усилить влияние субъектов гражданского общества (в число которых входят и религиозные организации) на решение как общенациональных, так и региональных проблем, сделать более эффективной и ответственной роль государства в управлении общественными процессами, в т.ч. ориентированных на религиозную сферу жизни белорусского общества.

Применение в полном объеме понятия «государственное управление» к религиозной сфере неизбежно приходит в противоречие как с природой объекта, так и с существующими правовыми нормами – и белорусскими, и международными. Если исходить из того, что объектом управления выступает религиозная ситуация как система, основными элементами которой являются религиозные организации и массы последователей различных конфессий, то сразу встает вопрос о границах возможного вмешательства государства в их функционирование.

Характерной чертой религиозной сферы общества является её автономность. Она развивается по своим специфическим, имманентно присущим ей законам, регулируется верованием, каноническими установлениями и нормами конкретных религий и конфессий и представляет собой исключительно внутреннее дело религиозных организаций и интимную сферу внутренних убеждений и переживаний их последователей – верующих людей.

Религия в ее мировоззренческом и институциональном проявлении показала, что может выполнять и выполняет функции инструмента социальной консолидации и политической мобилизации. Это привлекает внимание государственных структур и различных политических сил к духовно-идеологическому потенциалу и практической деятельности религиозных организаций. В то же время способность религии мобилизовать общественно-политическую активность людей делает ее потенциально конфликтогенным фактором социально-политической ситуации. Это не могло не обострить старые и породить новые противоречия и проблемы в политико-правовой практике соответствующих отношений, ориентированных на религиозную сферу жизни общества.

Прежде всего, следует отметить, что структуру субъектов государственного управления, структурированных в органах по взаимодействию с религиозными организациями, с большой натяжкой можно характеризовать как систему. В ней в неразвитом, ущербном виде присутствуют такие признаки социальной системы, в нашем случае государства, как координация и иерархия (субординация). Система государственного регулирования сферой религиозной жизни децентрализована. Нет согласованных действий различных органов власти, что приводит к ведомственности и местничеству в государственном регулировании религиозной жизнью, следствием чего, в свою очередь, является преобладание узких профессионально-функциональных интересов, неадекватность реакций в сложных ситуациях, в которые вовлечены другие органы государственного управления, отсутствие целостной единой политики в данной сфере.

«Это заметно и на примере Уполномоченного по делам религий и национальностей, выполняющего функции органа государственного управления. Анализ задач и функций Уполномоченного по делам религий и национальностей обнаруживает, что этот институт не имеет того объема административных и исполнительных полномочий, которыми обычно наделяется республиканский орган исполнительной власти [2, с.38].»

Формы исполнительно-распорядительной деятельности также далеки от совершенства или оптимальности. Недостаточно и, скорее, поверхностно используется форма контроля, так как не проработаны механизмы его реализации. Особенно это заметно в области экономической, трудовой деятельности, защиты прав и свобод человека внутри религиозных организаций от злоупотребления религиозностью человека, при контроле за использованием пожертвований.

Все эти проблемы оказывают значительное влияние на политико-правовой процесс, ориентированный на религиозную сферу жизни общества. В результате чего политико-правовой процесс, как совокупность последовательных действий для достижения поставленных конституционно-правовых целей в религиозной области, имеет такие характеристики, как:

- отсутствие единой, целостной, оптимально организованной системы соответствующих действий, их несогласованность;
- слабая координация и субординация, замедленность или невозможность прохождения регулирующего воздействия на процесс.

Такая приводит к тому, что некоторые отношения в названном процессе приобретают черты стихийности и неуправляемости.

Как отмечает Л.Е. Земляков, это позволяет говорить о том, что фактическое отсутствие в системе государственного управления Республики Беларусь функции координации действий органов управления власти, ориентированных на регулирование государственно-конфессиональными и общественно-религиозными отношениями, привело к тому, что соответствующий политико-правовой процесс характеризуется рассогласованностью некоторых из составляющих его отношений, их дублированием, нарушением субординации, трудностью прохождения регулирующего воздействия и обратной связи, проблемами в урегулировании подобных отношений и другими негативными чертами [2, с.39].

Литература

1. Завальнюк, В.М. Рэлігія у сучасным беларускім грамадстве / В.М. Завальнюк, В.И. Навицкий // Канфесіі на Беларусі. – Мінск: Экаперспектива, 1998. – С. 315–335.
2. Земляков, Л.Е. Религиозный фактор политической культуры / Л.Е. Земляков // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Серыя 3. – С.70–75.
3. Лысюк, А.И. Социокультурная детерминация политического лидерства: содержание, способы, эволюция / А.И. Лысюк. – Черновцы: Букрек, 2008. – 384 с.